

ДОДЕКАЛОГИЯ «ХРОНИКИ РУССКОЙ ВИНЫ»

ТРИЛОГИЯ I · «АНАТОМИЯ ПОДЗЕМЕЛЬЯ»

КНИГА 1

ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС РУССКОЙ ВИНЫ

ГЕНРИХ АЛИ БАБА

Генрих Али Баба

**Книга 1. Последний
сеанс Русской Вины**

«Автор»

2026

Али Баба Г.

Книга 1. Последний сеанс Русской Вины / Г. Али Баба —
«Автор», 2026

«Последний сеанс Русской Вины» открывает додекалогию «Хроники Русской Вины»: нуар, в котором каждый выживший расплачивается за спасение собственной памятью. Книга 1 Город, где дождь смывает не грязь, а совесть. Сыщик без имени. Рукопись, которая стоит человеческой жизни. И женщина в алом, чей голос обещает спасение — а несёт приговор.

© Али Баба Г., 2026

© Автор, 2026

Генрих Али Баба

Книга 1. Последний сеанс Русской Вины

Книга 1. Последний сеанс Русской Вины

Акт I. Чернила и кровь

Часть 1. Ночной звонок

Глава 1. Дождь смывает следы

Вода с неба не капала — она сплошным тяжелым пластом давила на крыши, забивая ливнёвки и превращая асфальт в зеркальную жижу. Крупные, жирные капли разбивались о мутное стекло кабинета, оставляя грязные потеки. Сквозь них мигала неоновая вывеска закусочной напротив — багровое пятно, похожее на незаживающую рану. В этом городе всё имело прејскурант, но оптом продаваться отказывались.

Я сидел за столом, наблюдая, как кубик льда медленно тает в янтарной лужице дешевого бурбона. Обжигало горло — пожалуй, единственный сигнал нервной системы, доказывавший, что я всё еще числюсь в живых. Настенные часы отсчитывали секунды глухим металлическим стуком: без четверти полночь. Время, когда порядочные граждане видят десятый сон, а те, кому нечего терять, выходят на охоту. Офис на четвертом этаже пропах сырой бумагой, махоркой и застарелым одиночеством. Телефон молчал трое суток. Аренда поджимала горло сильнее любого шарфа.

Половицы в коридоре скрипнули.

Не тот случайный, глухой звук, который исходит сырое дерево, а прерывистый, шаркающий шаг человека, замершего перед дверью в нерешительности. Я не стал убирать правую руку со столешницы. Пальцы сами скользнули к выдвижному ящику — туда, где лежал потерянный, но безотказный «Кольт».

Стук оказался коротким. Два глухих удара.

— Войдите, — буркнул я, не поднимая головы от стакана.

Дверь отворилась с натужным стоном. Сначала в помещение хлынул густой шлейф дорогого табака, смешанный с мокрой шерстью и едва уловимым холодком паники. Только потом шагнул гость. Безупречный серый плащ, потемневший от ливня, фетровая шляпа, с полей которой на паркет капала вода. Мужчина лет сорока, с холеным лицом, на котором застыл первобытный, суеверный страх. Губы подрагивали. Глаза судорожно шарили по углам обшарпанной комнаты, выискивая тень засады.

Марк Аркадьевич, владелец крупнейшего независимого издательства в округе. Пару недель назад я видел его физиономию в утренней газете — он улыбался рядом с министром культуры. Сейчас от той улыбки не осталось и следа.

— Вы... частный сыщик? — голос сорвался на фальцет. Издатель судорожно сглотнул.

— Смотря кто спрашивает, — я откинулся на спинку скрипучего кресла и кивнул на стул напротив. — Садитесь. С вас течет. Бурбон?

— Нет. Спасибо. Я... не пью.

Он опустил на край стула так осторожно, будто опасался минное поле. Снял шляпу, обнажив залысины, покрытые испариной, — и это при пронизывающем холоде за окном. Издатель оглянулся на запертую дверь, после чего, почти истерично, вытащил из-за пазухи увесистый сверток в непромокаемом полиэтилене. Пакет глухо стукнул о дерево. Рядом легла толстая пачка сотенных купюр, стянутая свежей банковской лентой.

— Здесь пять тысяч, — выдохнул он, не отрывая глаз от денег. — Это аванс. Еще столько же получите, когда вернете его. И её.

Я не прикоснулся к купюрам. Опыт выживания в этом муравейнике научил главному правилу: чем толще пачка в начале беседы, тем меньше шансов дожить до закрытия счёта.

— Кого «его», Марк Аркадьевич? И что в целлофане?

— Юрас Ницентов, — имя прозвучало почти как выстрел в тишине. — Мой главный автор. Вчера вечером он должен был передать мне финальные главы нового романа. Книга называется «Обыкновенное варварство». Это... это не просто проза. Это смертный приговор. Там реальные имена, схемы, теневые потоки. Вы понимаете?

Я промолчал. Тексты Юраса всегда напоминали скальпель, вспоровший брюхо больного зверя. Но если издатель дрожит от страха, значит, писатель забрел в зону, где рецензии пишут свинцом.

— Он не вышел на связь, — продолжал Аркадьевич, нервно сминая полу плаща. — Телефон мертв. В квартире пустует каждый угол. Но главное — пропала рукопись. В этом пакете черновик первой половины. Оригинал забрали те, кому положено. Мне нужна последняя глава, детектив. И сам Юрас. Желательно дышащий.

Я посмотрел на пачку денег. Пять тысяч. Хватило бы закрыть долги за коммуналку, перебрать карбюратор в «Форде» и забыть о голоде до первых заморозков. Но от пачки веяло свежевырытой могилой.

— Дело пахнет керосином, издатель, — закуривая, сказал я. Дым поплыл к закопченному потолку. — Если за ним пришли люди, у которых литературный вкус отсутствует напрочь, я для них — помеха размером с муху. В полицию заявляли?

— Какая полиция?! — издатель едва не подпрыгнул. — Убойный отдел во главе с капитаном Грозовым уже утюжит его квартал! Они не ищут — они зачищают концы. Если Грозов найдет рукопись раньше нас, мы все ляжем в общую яму.

Упоминание Грозова заставило меня внутренне подобраться. Мясник из убойного работал только тогда, когда ставка исчислялась шестизначными суммами или трупами влиятельных людей.

Я протянул руку, забросил пачку денег во внутренний карман и притянул к себе пластиковый сверток.

— Я поищу вашего гения, — произнес я, гася окурок о жестянку из-под леденцов. — Но, если вы недоговорили хоть слово, и из-за этого мне продырявят затылок — клянусь, я вернусь с того света за оставшейся пятеркой. Адрес Юраса?

Глава 2. Пепелище гения

Дождь за окнами набрал полную силу, превратившись в сплошной мутный поток ледяной воды. Мой старый «Форд» хрипел всеми цилиндрами, дворники не справлялись с потоками грязи, размазывая по лобовому стеклу городскую копоть. Я катил на северную окраину — туда, где массивные сталинские высотки сменялись мрачными кирпичными лабиринтами доходных домов прошлого века. Именно там, на последнем этаже серого здания с лепниной в виде очерившихся горгулий, обитал Юрас.

Дом встретил меня мертвой тишиной и сыростью подвала. Лифт, разумеется, замер где-то между этажами. Пришлось подниматься пешком по щербатым мраморным ступеням, отсчитывая пролеты и прислушиваясь к тому, как гулко шаги отдаются в пустом колодце лестничной клетки.

На шестом этаже пахло иначе. Резкий, едкий дух сгоревшего пороха и дорогого женского парфюма — этот коктейль я узнал бы с закрытыми глазами.

Дверь квартиры Юраса была приоткрыта. Замок вырвали с мясом: стальные штифты согнуло внутрь, щепки падали прямо на грязный линолеум. Кто-то ломился сюда без оглядки на тишину и соседей.

Я бесшумно вытянул из кобуры «Кольт». Привычный холод вороненой стали лег в ладонь, возвращая то суррогатное спокойствие, которое в этом районе заменяло совесть. Толкнув дверь плечом, я скользнул внутрь, держа ствол на уровне чужой груди.

Внутри царил разгром. Уличный фонарь пробивался сквозь не завешенное окно, полосуюя полумрак грязными белесыми лучами, в которых кружилась взвесь пыли. Квартира напоминала место артобстрела: массивный дубовый шкаф завалился набок, сотни томов были выкинуты на пол и растоптаны армейскими протекторами. Страницы выдраны, обивка кресел разрезана ножом — искали тайник. На письменном столе сиротливо кренилась разбитая пишущая машинка. Из ее пазов сочилась темная жижа. Я тронул ее пальцем: густая, липкая. Кровь. Свежая.

Я двинулся дальше, стараясь не хрустеть обломками. Возле кровати мое внимание привлёк белый прямоугольник на полу. Чей-то тяжелый ботинок оставил на нем грязный след, расколов гляцевую поверхность надвое. Я поднял карточку.

С обрыва бумажки на меня смотрела женщина. Даже сквозь трещины и грязь ее взгляд прожигал насквозь: точеные скулы, прямой разлет бровей, холодные, пустые глаза. Вечернее платье с глубоким вырезом подчеркивало ключицы, но в позе не было и намека на незащищенность. Пантера перед прыжком. Я перевернул снимок. На обороте черной тушью было выведено размашисто: *«Вина найдет каждого»*.

— Красивая стерва, правда? — донеслось из-за спины.

Тело среагировало рефлекторно, отбросив мысли. Я рухнул вправо, уходя с линии огня, и вскинул пистолет. Вспышка выстрела полоснула по глазам, оглушительный грохот ударил в перепонки. Пуля нападавшего разнесла в щепки стул, за которым я стоял мгновение назад.

В дверях спальни темнела приземистая фигура в кожаном плаще. В руке незнакомца тускло поблескивал ствол с накрученным глушителем. Оперативники убойного. Псы Громова.

— Чисто сработал, сыщик, — процедил стрелок, переступая через обломки. Второго я не видел, но слышал его сиплое дыхание где-то в коридоре. — Капитан велел упаковать тебя в пластик сразу, если сунешься. Нам аренда за твой офис платить не придется.

— Передай Громову, что у него отвратительные манеры, — крикнул я из-за укрытия, втягивая воздух носом. Во рту пересохло от адреналина.

Второй амбал рванулся из прихожей, пытаясь зайти с фланга. Пол скрипнул. Я выждал долю секунды, поймал тень в лучах фонаря и дважды нажал на спуск. «Кольт» рывкнул в замкнутом пространстве. Мужчина охнул, выронил оружие и осел на пол, зажимая пробитое бедро.

Первый стрелок выругался и открыл беспорядочный огонь, вслепую прошивая гипсокартонную перегородку. Штукатурка сыпалась мне на голову белой крошкой. Остаться здесь — самоубийство.

Окно. Шестой этаж. Но внизу, прямо под нами, раскинулся широкий брезентовый навес грузового терминала старого гастронома.

Я рванулся вперед, пряча фото за пазуху. Выбив плечом остатки рамы, я вместе с градом осколков шагнул в холодную пустоту ночного ливня.

Часть 2. Красное на черном

Глава 3. Джаз-клуб «Подземелье»

Приземление на брезентовый навес вышибло из легких весь воздух. Спину обожгло тупой болью, но ребра, кажется, уцелели. Пока громилы Громова возились у разбитого окна, я уже растворился в лабиринте темных дворов, придерживая рукой кровотокающую царапину на щеке. Мой «Форд» остался у подъезда — возвращаться туда не стоило. Пришлось голосовать на углу, отдав шоферу разбитой легковушки пару сотенных купюр за молчание.

Клуб «Подземелье» оправдывал вывеску на все сто. Он прятался в недрах бывшего бомбоубежища, глубоко под грохочущими трамвайными путями промзоны. Снаружи — лишь мигающий фиолетовым неон козырек и тяжелая железная дверь.

Внутри меня ударил по лицу плотный коктейль из запахов дешевого опиума, пролитого джипа и сырости подземелий. Свет едва теплился: багровые и синие софиты тонули в табачном дыму, превращая посетителей в безликие тени. Со сцены доносился тягучий, грязный саксофон. Музыка идеально подходила этому городу — циничная, ленивая, обещающая сладкую боль.

Я протиснулся к бару, прислонившись спиной к массивной бетонной колонне. Одежда промокла насквозь, но здесь на такие мелочи не смотрели.

— Бурбон. Двойной. Без льда, — бросил я бармену.

Я обвел зал глазами. В этот момент саксофон взял низкую ноту, а ударник перешел на гипнотический ритм щеток. На сцену вышла она.

Алое платье с глубоким вырезом на спине — то самое, с разорванной фотографии. Вживую Вера выглядела еще опаснее. Свет прожектора скользил по ее белой коже, заставляя ткань играть оттенками свежей крови. Держалась она не как певичка из кабака, а как боец перед атакой: спина прямая, плечи расслаблены, но готовы к бронебойному рывку. Ни грамма лишней пластики.

Она запела низким, бархатным голосом с легкой хрипотцой. Пела о вине, текущей по крышам, о безумии улиц и тех, кто не просыпается по утрам. Строчки звучали до боли знакомо — это были стихи из первой половины рукописи Юраса. Она знала текст наизусть.

Когда смолкли последние аккорды, зал захлопал. Вера коротко кивнула, ее пустой, оценивающий взгляд скользнул по столикам и на миг замер на мне. Ни удивления, ни испуга. Только холодный расчет. Она плавно сошла со сцены, игнорируя пьяные взгляды дельцов за столиками, и направилась к бару.

Она села на соседний табурет. Запахло пылью и горьким мускусом — тем самым парфюмом, что остался в разгромленной квартире писателя.

— У вас лихорадочный вид, детектив, — не поворачивая головы, произнесла она тихо, перекрывая гул музыки. — И от вашей одежды разит порохом. На северной окраине было весело?

Я повернул голову, поигрывая стаканом с бурбоном: — Твои приятели из убойного не умеют принимать гостей, Вера. Сам Юрас тоже оказался не гостеприимен — оставил на столе только лужу крови.

Она резко повернулась. На секунду маска невозмутимости треснула: пальцы на барной стойке сжались до побелевших костяшек. Мозоли у основания пальцев выдавали человека, привыкшего часами работать с холодным оружием.

— Кровь? — голос упал до шепота. — Они нашли его? Громов взял Юраса?

— Нет. Квартира пуста. Но рукопись исчезла, — я положил на стойку расколотую фотографию. — Как и финал. Юрас писал про «Обыкновенное варварство», но варвары опередили нас. Зачем тебе эта история, Вера? И почему твое имя выведено на обороте рукой мертвеца?

Она посмотрела на снимок, потом подняла глаза. В их глубине полыхнуло то самое темное пламя, ради которого мужчины сворачивают себе шеи. Она качнулась ближе, касаясь плечом моего рукава.

— Вы ничего не понимаете, сыщик, — прошептала она мне на ухо. — Юрас не роман писал. Он подписывал приговор всей верхушке этого города. И мне в том числе. Громов не оставит в живых никого, кто видел концовку. Хотите выжить и забрать свои деньги? Убираемся отсюда. Моя машина ждет у черного выхода.

Я допил бурбон. Я знал, что иду прямо в пасть к зверю. Но в этой клоаке по-другому было нельзя.

Глава 4. Шепот в темноте

Ливень снаружи превратился в ледяную крупу. Черный «Ягуар» рванул из тупика так, будто за нами гналась стая демонов. Вера вела машину жестко, на грани срыва, бросая тяжелый седан в заносы на скользких трамвайных путях.

— Куда мы? — бросил я, упираясь ногами в пол. — Туда, где стены не умеют доносить, — отрезала она. — У Юраса был ключ от моего сейфа. Если финал существует в бумажном виде, он мог спрятать его только там.

Через двадцать минут мы тормознули у элитного жилого комплекса на набережной. Мертвый новострой, где светились лишь редкие окна. Квартира Веры на двенадцатом этаже встретила нас спартанским минимализмом: голый серый бетон, панорамные стекла, в которых отражался слепой город, и полное отсутствие личных следов. Ни фотографий, ни мелочей. Жилье профессионала, готового сорваться в любую секунду.

— Налей себе, — бросила она, сбрасывая шпильки, и шагнула к массивном комоду в углу. — Я проверю периметр.

Я встал у окна, спиной к комнате. В зеркальной поверхности стекла отражалось все помещение. Я видел, как Вера подошла к мебели, но вместо замка она едва заметно кивнула кому-то в сторону тяжелых портьер у входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.